

ВОСПОМИНАНИЯ
бывшего курсанта ВВПУ тов. Смага
Николая Пантелеевича.

В селе КАСУМ-КЕНТ, расположенного между железнодорожной станцией Илама и Каспийским морем, я родился в украинской крестьянской семье 22 ноября 1912 года. Сейчас это селение входит в состав Кусарского района, Азербайджанской ССР. Это небольшое село с украинским и русским населением было образовано в начале первой Русской революции 1905 года. Это были смелые люди, отважившиеся искать лучшей жизни, уезжая с родных мест, не выдержав тяжелых условий бедности и нищеты. Переселение было неорганизованным, стихийным в разные места России: кто на Кубань, кто в Ставрополь, а часть населения уезжала в Закавказские губернии.

Мои дедушки по отцу и матери - оставили пределы Киевской и Екатеринославской губерний, со своими семьями переселились в Кубанскую область. Родители матери навсегда остались на Кубани, а семья отца направилась в Бакинскую губернию в поисках хороших заработков и лучшей жизни. Сначала эти переселенцы останавливались на рыбных промыслах, где со своими семьями жили в бараках, облежниках, не имея ни двора, ни кола. Частные хозяева рыбных промыслов жестоко эксплуатировали этих бездомных и бедных людей. Заставляли работать их по 12-14 часов в сутки. Мои родители тоже работали на рыбных промыслах: отец старшим рабочим, а мать укладчицей сельди в бочки.

Невдалеке от моря - вся эта голытьба, купила у местных жителей-татар-земельный участок; на котором и соз-

дали поселок Касум-Кент. Мой дед и отец тоже построили небольшие хатенки, купили еще "полянну" паходной земли, и постепенно начали обзаводиться скотом, птицей, стали сеять пшеницу и разводить овощные культуры.

Земледелие тогда было очень примитивным. Я помню, как упряжка из двух буйволов тащила связку веток, на которой сидел человек-погонщик. Так барановали издолбленную сохой землю, так и задегивали, кое-как, разбросанные семена. Несмотря на такую агротехнику, новая земля в долгу не оставалась и давала, более или менее сносный урожай. Своего хлеба хватало.

В то время было много бродячих людей, которые искали своей счастливой доли. Как то к отцу пришел мастеровой человек - кузнец, с "золотыми" руками. Вместе с отцом они построили у нашего дома небольшую кузницу и стали обслуживать местное население разными кузнечными изделиями.

Еще работая на рыбных промыслах, отец лишился указательного пальца правой руки, и поэтому был освобожден от действительной военной службы. Так отец стал сельским кузнецом и машинистом сельскохозяйственных машин.

Он имел начальное образование и своим разумом доходил до "секретов" всех машин и механизмов.

Все переселенцы прижились на новом месте, обзаводиться скотом, занимались хлебопашеством. Многие продолжали работать на рыбных промыслах. Нас было трое детей - две сестры и я. Мне тогда было три-четыре года и я уже самостоятельно ходил через "дремучий лес" к морю, где работала моя мама.

Местность здесь была низинная, сырая и поэтому почти все население болело малярией, и тоже долго болел этой болезнью. Был всегда бледен и очень худой.

В 1917 году, когда было свергнуто царское правительство, в Закавказье начались беспорядки, волнения, изгнание русского и украинского населения с насиженных мест. Участились случаи грабежей и убийств переселенцев. Особой жестокостью отличались тогда лезгины и чеченцы.

Местные "татары" хорошо знали моего отца, как мастерового человека, и помогли нашей семье уехать из села Касум-Кента. Наша хатенка и все домашнее имущество было оставлено в этом селенье. Наша семья стала пробираться по железной дороге на Кубань. Так мы стали беженцами. В товарных вагонах, с частыми пересадками и долгими остановками, мы проделали опасный и долгий путь от станции Илма до станции Расшеватка Ставропольской губернии.

Наш поезд часто подвергался обстрелу и нападением со стороны городского населения. Долгими днями наша беззащитная семья ютилась в вокзалах города Порт-Петровска /ныне Махачкала/ и станции Кавказская. Вокзалы были переполнены войсками и беженцами. Мы во всем испытывали большую нужду и страдания. Плохо было с продуктами питания. Спать было нигде, в вокзальных помещениях было холодно, на улицах была поздняя осень, или дожди. Наконец-то, нас высадили на станции Расшеватка, так как дорога на Ставрополь была забита войсками. В станице Новоалександровской мы прожили тяжелую зиму 1917-1918 годов в помещении сторожки, на кладбище. Здесь нас никто не трогал.

Местное население сочувственно относилось к нам и в меру сил и возможностей помогало пережить это трудное время. Отец со своими родителями, вместе с частями Красной Армии, добрался до города Святой Крест. Его родители умерли там от тифа. Он вернулся к нам в станицу Новоалександровскую и мы вскоре переехали к родным моей матери, которые проживали в хуторе Пустоселовом, Адыгейско-Черкесской обдасти. Здесь собралась большая семья - 16 человек.

Дедушка и бабушка были еще на ногах, их дети - 3 сына и 5 дочерей были уже взрослые и все работали в своем хозяйстве. Во дворе было три жилых строения где мы все размещались. Мужчины, в свободное время, занимались охотой и рыбной ловлей. Здесь мы не испытывали большой нужды. Во дворе было много скота, птицы, свиней, при доме был сад и большой огород. Эта большая семья жила дружно, царило взаимное уважение и любовь друг к другу. Здесь все делали сами - ткали сукно и полотно, выделывали кожи, шили обувь, делали ложки, чашки, кружки и другие домашние поделки. Одним словом, здесь царило самое настоящее натуральное хозяйство.

Мы почти ничего не продавали и не покупали. Керосин и соль - выменивались за хлеб, сало и овощи. Обедала вся семья за одним большим столом, обставленным скамейками.

На стол ставилось три больших чашки, из которых все ели деревянными самодельными ложками. В этой большой семье дедушка, установил строгий ритуал приема пищи и распорядок для каждого члена семьи. Детей поднимали рано с постелей, умывали и направляли в комнату на молитву. Дедушка держал себя строго, высокомерно. Никто не смел при нем пикнуть. Дети молча выстраивались полукругом около боль-

ной иконы. Молитвы мы еще не знали и поэтому повторяли их вслеп за дедушкой. Дедушка громким басовитым голосом произносил слова молитвы: "Отче наш, яко еси, на небеси..." Мы все хором на разные голоса, наскливно повторяли: "Оче нас...же...си...на беси...". В конце молитвы произносили последнее слово - "Аминь"! Крестились, низко кланялись и уходили к столу. Никто не смел взять ложку, пока дедушка, как самый старший, не начнет есть. За столом всегда было тихо и никакой возни и разговоров не разрешалось. Так проходили завтрак, обед и ужин. После ужина снова шли на молитву.

Весной дни стали очень длинные и через 2-3 часа после еды нам снова хотелось есть. Мама бабушка и мама понимала нас и без слов совали нам в рученки, чтобы не видел дедушка, то пирожок, то пышечку или кусок хлеба с маслом. Играли мы во дворе и на тихой улице, свободно, никто в наши дела не вмешивался.

В 1920 году на Кубани закончилась гражданская война. Отец ушел на заработки. Работал он на ремонте паромолоталок на хуторах Гуныкин, Братский, Согласный у частных машиновладельцев.

Вскоре наша семья переехала на хутор Согласный. жили на частной квартире. до 1924 года, как ивогородным, земельного участка нам не давали. Отец работал по найму - машинистом на паромолоталках, мать тоже работала поденщицей у местных жителей.

В 1924 году мы купили небольшую хатенку из одной комнаты, нас приняли в общество и выделили земельный надел - по 0,5 десятины на душу. Не имея своей лошади, трудно нам приходилось с таким большим наделом. Земельные

участки располагались в трех местах. На работу и с работы мы с матерью ходили пешком, неся за плечами мелкий инвентарь. В зимнее время отец работал в кузнице. Я был у него помощником - нарезал болты, гайки, ремонтировал замки, чинил ведра, делал коньки, крочки, петли и прочее.

В 1920 году я пошел в школу. Первый год я ничего не понимал, с трудом научился читать и считать. Учительница была злая и вредная. Её никто не уважал и не слушал. На второй год к нам приехал новый учитель Суханов Н.П. Это был высокообразованный, благородный человек, хороший наставник. Он любил учеников, а ученики любили его. Учеба шла хорошо, и я стал одним из лучших учеников.

В станице Ладожской находилась школа второй ступени, бывшая гимназия. От нашего хутора до нее было до семи километров. Далековато было ходить каждый день в школу. Когда отец узнал о моих успехах в учебе, он твердо решил отдать меня в эту школу. Обучение тогда было платное, да и за квартиру надо было платить. Мать была очень недовольна тем, что отец решил отдать меня в школу, но молча помогала мне в житейских делах. Она постепенно готовила одежду, белье, постельные принадлежности, и сшила большую подушку. Я понимал, что ей нужен был работник по хозяйству, но вместе с тем, ей не хотелось отставать от других сельчан, которые отправляли своих детей в школу.

Постепенно мы обзавелись коровой, а затем купили и лошадь, приобрели необходимый сельскохозяйствен-

ный инвентарь для обработки земли и уборки урожая. Пристроили еще одну комнату, так как жить в одной небольшой комнате нашей семье стало тесно. Пять человек это уже семья не маленькая. В этой комнате четвертую часть занимала русская печь с плиткой. В одном углу была деревянная кровать, стол со скамейками и одним стулом. В святом углу икона Матерь Божья с лампадой. Весь угол укрывали белые, вышитые украинским орнаментом рушники. Отец никогда не молился и в церковь не ходил. Мать посещала церковь по большим праздникам. Иногда посылала нас троих детей - за священной водой, на причастие, на Троицын день и другие. Мне тогда было одиннадцать двенадцать лет. С сестрами я как-то пошел в церковь на причастие. Люди старые, молодые и дети подходили к священнику, который угощал их с маленькой ложечки красной водицей. Подошла и моя очередь. Я поднялся на невысокий помост и стал напротив священника.

- Грешен, раб божий? - строго спросил он.

- Нет, батожка... я негрешен... я не раб, а человек... нет у меня никаких грехов... маму и маму я слушаюсь и почитаю, ничего не краду, не ругаюсь, никого не обижая, всякую тварь и птичек не убиваю... богу молюсь.

Я замолчал, чувствуя, как у меня покраснели уши и лицо, посмотрел на священника, и мне показалось, что передо мной стоит не сельский поп, которого мы часто видели, а сам Иисус Христос. Он весь блестел разноцветными огнями пахло ладаном.

- "Все люди перед богом, грешны" - сказал священник и поднес к моему рту красную водичку. Её так было

мало, что я не разобрал ни вкуса, ни запаха этой водички.

Каждый год, с ранней весны и до глубокой осени я работал дома со своей матерью и сестрами. Работы было много, что приходилось очень рано вставать и поздно отходить ко сну. Мать была большая труженица, она могла работать без отдыха целыми днями. Маленькая и сухонькая женщина, была так трудолюбива, что мне все время хотелось помочь ей. Мы все дети, старались помогать ей во всем и хотели работать так же быстро, ловко и красиво как она. Никто в хуторе не мог вязать снопы пшеницы такие плотные и крупные. Из-под её умелых рук — они рядами ложились по полю из края в край. На хатве подсолнечника и кукурузы за ней угнаться было невозможно. Серп в её руках резал стебли быстро, только ровные ряды оставались позади. Несмотря на свои еще молодые годы я умел самостоятельно выполнять многие работы по хозяйству. Я мог обрабатывать землю, косить хлеба, молотить целом подсолнечник, работал серпом, вязал снопы, умел ухаживать за скотом и птицей, лихо ездил верхом на лошади. И только, когда все работы были закончены, отец укладывал мои пожитки на дрожки и отвозил меня в школу.

Каждый год я запаздывал на занятия на месяц, а иногда и больше. Приходилось много работать ночами, чтобы догнать в учебе своих товарищей. Тут выручала меня хорошая память. Я быстро усваивал новый для меня материал и постепенно входил в нормальный ход занятий. У меня никогда не было "хвостов" ни по одному предмету.

Наряду с учебной и тяжелой работой в своем хозяйстве я находил время и возможности заниматься техническим творчеством и музыкой.

Своими руками я сделал действующую модель паровой машины, локомотива, увлекался электротехникой и радиотехникой. Сам изготовлял гальванические элементы, электрические звонки, трансформаторы, электрическую машину, радиоприемники-детекторные и двухламповые. В 1928 году я участвовал в краевом конкурсе на лучшие умелые руки. За свою паровую машину я был награжден похвальным листом и премией.

В 1929 году я был участником второго Северо-Кавказского краевого конкурса на "лучшие умелые руки". За свою работу действующую модель локомотива, был награжден похвальным листом и премией - набором слесарных инструментов. Фотографии моих машин были помещены в краевой газете "Ленинские внучата".

В те годы я выписывал газеты - "Беднота", "Крестьянская газета", "Ленинские внучата" и журналы: "Сам себе агроном", "Лапоть" и "Безбожник".

Изучая агрономию я достал саженцы плодовых деревьев и заложил при доме небольшой садик. Деревья хорошо прижились и долгие годы давали плоды черешни, абрикос и яблук. В нашем садике было несколько старик плодовых деревьев. За ними я ухаживал тщательный уход - проводил обрезку, перекопку приствольных кругов и подкормку навозом и золой. С разрешения родителей я закладывал опытные делянки по выращиванию высоких урожаев: картофеля, моркови, огурцов и томатов. Я все делал так, как давал мне советы журнал "Сам себе агроном".

Как-то отец достал лая улья пчел.

- Ну вот, Коля, тебе еще одна забота, поухаживай за ними и медку приноси. Сходи к деду Евсею, он тебе посоветует.

тует как и что нужно делать." Это дело для меня было совсем новое и пчел я очень боялся. Больно они кусают. Никаких сеток и дымара у нас не было. Все операции над ульями приходилось проводить с открытым лицом и голыми руками. Страшновато было поначалу. Дед Евсей учил меня не подходить к ульям потным, одежда должна быть чистой, без каких-либо запахов, движение рук должны быть медленными, не надо спешить сгонять пчел если они сели на лицо или на руки. Я точно придерживался этих мудрых советов и пчелы меня не трогали. Медогонки у нас не было, улья были переполнены медом и так хотелось его попробовать и угостить маму и сестер. Я снова отправился к деду Евсею за советом. Оказалось, что взять мед с ульев можно и без медогонки. Просмотрев улья, я выбрал несколько самых тяжелых увесистых рамок, налитых запечатанным медом, без деток, и переставил их в одну сторону. Пчелы не шумели и не бросались на меня. Я поднял одну рамку, стряхнул пчел и побежал с ней в комнату. Так я проделал несколько раз беря рамки с обоих ульев. В комнате пчел было мало и вырезал ножом соты, вставил новую водиву и отвесил в ульи.

Пчелы быстро отстраивали новые соты и стали снова наполнять их душистым медом. Так я насобирал большую макитру сотового меда. Много было хлопот с этими ульями, но все обошлось хорошо. Пчелы щедро отплатили мой труд.

Наш хутор размещался у реки Зеленчук, в большой излучине, так что все приусадебные участки примыкали к ее болотистым, заросшим камышом берегам. В этой реке водилось много разной рыбы, раков, в зарослях камыша жились дикие утки, нырки и другие разные птицы. Целый день не умолкали

крики пернатой дичи. Я сделал сам несколько удочек с самоделными крючками разной величины и начал пробовать ловить рыбу на червяка, на тесто, на отварное зерно. Рыба охотно шла на приманки и мой улов был хороший. В ведре и появилась плотва, линь, окунь, караси, горбыльки, пескари и даже щуки.

Затем я научился плести вентеря, небольшие пауки, сплел кубарь. На ночь я ставил свои снасти в удобных местах, а рано утром я снимал богатый улов разной рыбы.

Тогда лов рыбы был свободным, никто его не ограничивал и не запрещал. Многие жители ловили рыбу для собственных нужд. Удачным был и улов раков, которые водились в нашей реке в большом количестве. Мне было приятно, приносить каждый день богатый улов рыбы и раков.

В теплые и тихие деревенские вечера, мы подростки, собирались на улице и весело проводили время. У моих друзей были балалайки, на которых они с большим задором исполняли народные песни и разные прибаутки. Любил я слушать этот самодеятельный концерт. Попросил я своего заочного друга, Федю Попова, научить меня играть на балалайке. Федя понял мое сильное желание и терпеливо шаг за шагом, учил меня игре на балалайке. Сколько радости я испытывал, когда у меня стало получаться простенькая песенка: "и шумит и гуде". У меня не было балалайки, а играть очень хотелось. Я попросил отца купить мне балалайку. Вскоре он привез. Попробовал я играть на ней, а она какая-то глухая, бречит, а звука настоящего нет.

Сделана она была грубо, из фанеры, щели неумело замазаны столярным клеем. Сколько я не бился над ней,

а игра не получалась. Давал я её и Феде, чтобы он по-пробовал. У него тоже ничего не получалось. Неприятный она издавала звук. Федя часто давал мне свою балалайку на день на два, чтобы я так не убивался. Для покупки новой балалайки нужны были "большие деньги". А хорошие балалайки в Усть-Лабе были. Чтобы осуществить свою мечту и зрения вырастить коконы шелкопрядов. Заготовительная контора выдала мне коробку грены и подстилочную бумагу с разными дырочками. Родители отдали мне одну комнату для выведения шелколичных червей. Сначала дело шло хорошо, шелколичного листа требовалось совсем мало, а одно шелколичное дерево росло в нашем дворе. С каждым днем мои прожорливые черви росли и требовали больше и больше кормов. Листьев с нашего дерева уже не хватало. Пришлось просить разрешения на снятие листьев у соседей. Дело дошло до того, что на заготовку корма уходили все дни. Мама стала уже ворчать на меня. Но вскоре черви выросли и стали вить коконы. Вся комната была заполнена крупными золотистыми коконами, которые я снимал и сушил. Два больших чувала я собрал коконов. Сдал я их заготовителям и получил порядочную сумму денег. Сходу я пошел в магазин и купил самую лучшую балалайку, шелколичное камне и маленький флакончик духов. В свободное время забивался я в сад или на речку и там отводил душу с любимой балалайкой.

Мне казалось, что не балалайка играет, а все мое тело издает приятную мелодию. Я уже стал исполнять маорусских песен и вальсов. Сестры часто меня приглашали на девичьи вечера, где я играл песни по заказу.

Наступил 1929 год. Наша семья вступила в колхоз.

Отвели двух коней на общий двор, не стало земельного участка.

- Нет теперь денег на оплату школы и за квартиру, - сказал мне отец. Учись сам, сынок дома, на книжки я тебе денег дам. Я выписал комплект книг для самообразования по электротехнике. Стал упорно изучать слабые токи. Многого было не ясно, а спросить было не у кого, сдавать экзамены было негде, посмотреть на приборы и работу тоже было негде. Так я пропустил один год учебы в школе. Товарищи ушли вперед на целый год, а я остался позади. Весной и летом работал в колхозе на разных работах, а заработка никакого не было. За каждый день работы ставили в книгах палочки. Пришла осень. Мои товарищи пошли в школу. Замолился и я перед отцом, чтобы и он послал меня в школу. Отец работал на сложных машинах и стал получать заработную плату.

Вся семья как-то стала привыкать к новым условиям жизни, и к новой обстановке. Тогда начали организовывать машинно-тракторные станции. Стянули на общий двор все паромолотилки, косилки, сенокосы.

Отец уехал на работу в МТС станицу Некрасовскую. Это было от дома далеко, более 20 километров. Отец перевелся в другую МТС, которая была от нас ближе, в семи километрах. Но все равно ему приходилось жить без семьи. Оставив старшую дочь с мужем в доме, наша семья переехала к отцу.

В 1931 году я успешно закончил Ладожскую школу второй ступени и мне было присвоено звание учителя сельской школы. Предложили работу учителя в школе станицы Новолабинской. От этого предложения я отказался и уехал в гор. Краснодар в поисках подходящей работы. В конторе Госэлектростанции предложили должность десятника землеустроительных работ.